

Благодать наказания

Богословское эссе

Часть II*

Человеческий ответ на благодать наказания

Первобытный пролог, представленный в 11 главах Бытия, охватывает несколько тысячелетий. Автор древних текстов не имеет целью в точности передать детали происходивших событий. Весь текст, словно сшитый широкими стежками ковер, собранный из крупных лоскутов-периодов, не предоставляет возможности определить точные границы каждого события. Описание падения общо, размашисто и полно трагизма. Целые столетия представлены в родословных списках лишь именами, нанизанными как бусинки на единую нить смысла. Создается впечатление, что писатель стремится поскорее закончить повествование о древности, чтобы перейти, наконец, к истории Авраама.

Но вместе с этой краткостью и суровостью, в текстах Моисея внезапно прорисовываются контуры рисунка, составленного из крупных, и порой громоздких, фрагментов описания катастроф, а подчас из мелких штришков и мазков чувств и переживаний. В первобытном прологе, как на фотобумаге, проступают очертания образа Творца: нам открывается Его характер, чувства, переживания, гнев, сокрушение, мечты и разочарования. Читатель знакомится с Богом, таким непохожим на привычное представление о богах — бесстрастных, далеких, играющих творением как игрушками, идущих по грани безнравственности. Бог Писания совсем иной.

[*] Первая часть эссе опубликована в выпуске альманаха №18/2016.

Он творит, восторгается сотворенным, надеется, отдыхает, ужасается, гневается, наказывает, обновляет и корректирует планы, сохраняя при этом величие Своего образа, не скатываясь в нелепость идолства. Бог первобытного пролога представлен как источник благодати, изливающейся на человечество даже тогда, когда речь идет о наказании грешников.

Отмечая для себя эти наблюдения, читатель Писания внезапно осознает, что в этом и есть замысел автора: показать лик Творца, явленный на фоне тех противоречивых событий, которые бегло обозначены в первых 11 главах! Это осознание, пронзающее мысль, переворачивает отношение к прочитанному: возникает желание перечитать текст заново, глядя сквозь новый шаблон восприятия Писания — попытку понять черты характера Всевышнего. Лик Творца предстает не в застывшей суровости и бесстрастности, но в динамике поиска разрешения проблемы и в одновременном спокойствии и твердости принятия решений.

Через наказания, обрушенных на головы грешников, внезапно открывается как акты Божьего милосердия, как откровение Его благодати человечеству. Первобытный пролог предстает перед нами как начало истории спасения, получившей развитие на страницах Библии, и достигшей своего апогея в Новом Завете. И не остается сомнения в том, что Отец, «бьющий своего сына» (Евр. 12:6), делает это не для того, чтобы отказать от него навсегда, но напротив: чтобы заключить его в Свои объятия!

Безусловно, все наши попытки понять благодать Божию не достигнут

окончательной цели, поскольку наше мышление ограничено образами и аналогиями. Мы никогда не поймем полностью, в чем же заключалась благодать Потопа, или что хорошего в изгнании из Эдема. Наше естество будет противиться окончательным выводам, произведенным нами из априорных предпосылок утверждения Божьей благодати. Но совершенно очевидно, что во всех Божьих действиях, представленных в прологе как акты наказания грешников, проглядывается вечный замысел, конечная цель которого — добро. Если бы Господь не сделал столь решительных шагов, наказывая грех людей, вероятно, История человечества и закончилась бы прологом. Не было бы возможности что-то исправить. Человек превратился бы в некое подобие дьявола, бунт которого зашел так далеко, что сама мысль о его исправлении кажется абсурдной. Зная природу человека, Бог направлял, подталкивал его по правильному пути раскаяния и поиска восстановления разрушенных отношений со Всевышним.

Вторая половина 11 главы уже имеет иную тему, отличную от той, которая обсуждалась ранее: мы находим, что внимание автора сужается до описания родословия одного племени, и наконец, сходится к личности Авраама. Начинается история чудесного появления Израильского народа, который станет неотъемлемой основой всех последующих повествований Библии. В свете этого, первые 11 глав противопоставляются всему остальному Писанию. Семь актов Божьих ограничений, описанных в этих главах, будто бы остаются в прошлом, вавилонское столпотворение завершает их ряд. Чуждые для понимания

языки превращают людей друг для друга в чужестранцев.

Но история протеста людей против Бога не закончилась их рассеянием после смешения языков. От Вавилона и до наших дней человечество упорно пыталось преодолеть Божьи ограничения. Люди не готовы были принять вызовы, посылаемые смертью, болезнями, необходимостью трудиться. Они не желали признавать потерю Рая и ориентироваться на опыт Потопа. Идея построения башни «высотой до небес» навечно засела в их сознании. Человечество упорно строит свое собственное «царство небесное» без Бога на широтах земли, используя потенциал мысли и силу вдохновения. Греховность человеческого рода препятствует преклонению пред Творцом, вынуждая грешников создавать собственные объяснения смыслу жизни.

Таким образом, становится очевидным, что на каждое из Божьих наказаний люди изобрели противодействие. История философской мысли хранит попытки создания теорий бытия, не подразумевающих главенства Творца. Заблудшее человечество создало свое толкование неизбежности смерти, страданий и болезней, проблем насилия и войны, катастроф, языковой и культурной отчужденности. На каждое из этих явлений философы и богословы, как и прежде, стараются выписать рецепт лекарства, утоляющего врожденную тоску по Эдему. И все так же, как и когда-то в Раю, сознание людей щекочет назойливое желание, выраженное в разных формулировках, но сводимое к простой мысли: «быть как боги» (Быт. 3:5).

В обход смерти

◆ Смерть невозможно отрицать. Ее нельзя игнорировать, как какую-то абстрактную идею, поскольку, как справедливо заметил Л.Н. Толстой, «все в мире призрачно, одна лишь смерть реальна»^[1]. Очевидность смерти, ее неизбежность и тотальность переводит рассуждения о ней, из разряда философских понятий в необходимость дать объяснение ее природе для каждого живущего. Умирание — самое распространенное явление на этом свете: разве что рождение может соперничать с ним.

Вместе с тем, смерть — это милость Бога, цель Которого в том, чтобы перевести человека из плена греховной природы в мир свободный от греха. Смерть — порог, за которым начинается другая, свободная от тления жизнь. Смерть — это свидетельство силы Божией, и проповедь, понятная всем живущим. «Memento mori!» — вот кратко выраженный смысл жизни. Лозунг древних римлян, усвоенный позднее монахами-траппистами, как нельзя лучше провозглашает Божью волю в отношении смерти: «Помни, что ты смертен!». Эта фраза, при правильном подходе к ней, отсылает напрямую к рассуждению о том, почему мы смертны и что будет после порога, который переступить надлежит нам всем. Казалось бы, нельзя придумать лучшей проповеди! Божья воля в отношении смерти состоит в том, чтобы привести людей к размышлению о смысле жизни. Как говорил Достоевский в «Братьях Карамазовых», суть ада выразима словами «Слишком поздно!»^[2], и Бог желал, чтобы смерть была предвозвестником этого «слишком поздно», чтобы была предупреж-

^[1] Толстой, Л. Н. О жизни. — С. 400.

^[2] Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы.

дением неправильного использования жизненного времени. «Наша обязанность, — пишет Франкл, прошедший концлагерь, — максимально использовать отведенное нам время жизни..., не упускать ни одной из возможностей, сумма которых в результате делает нашу жизнь действительно полной смысла»^[3].

*Великое предназначение
 смерти было в том, чтобы
 прервать нить греха,
 которым стала пронизана
 человеческая сущность.
 Для уничтожения греховно-
 сти есть лишь одна
 возможность — умереть.*

Но люди «пустились во многие помыслы» (Еккл. 7:29), желая обойти знамение смерти, упразднить его истинный смысл. То, что должно было приводить к покаянию, сделалось точкой приложения сил поэтов, философов, ваятелей, музыкантов и врачей. Смерть проклинали и воспевали, изображали в камне и на холсте, осторожно прикасаясь к этому явлению, как к запредельной реальности. Отношение к ней в истории колебалось от эпикурейской иронии: «Пока мы живы — смерти нет! Когда мы мертвы — ее уже нет!», до персонификации смерти и поклонения ей как божеству. Макабрическая тема всегда находила свое место в философских и религиозных системах, окрашивая в темные тона истолкование бытия.

Поскольку смертность взывала ко греховности, побуждая к примирению

с Творцом, человек искал пути, как заглушить этот вызов. Французский философ Филипп Арьес в своей книге «Человек перед лицом смерти» предлагает описание развития представлений об этом явлении на протяжении столетий человеческой истории. Говоря о сегодняшнем понимании смерти, он констатирует что «общество восстало против смерти. Точнее, оно стыдится смерти, больше стыдится, чем страшится; оно ведет себя так, как будто смерти не существует»^[4]. Мы наблюдаем игнорирование и табуирование этой темы. Всем понятное слово «умереть» заменено эвфемизмами «уснуть, успокоиться от дел, уйти от нас и т. п.». Подчас происходит жесточайший обман ложной надеждой на выздоровление, которую внушают смертельно больному человеку. Пропаганда «праздника жизни», за которым внезапно приходит финал, — вот идеал отношения к смерти сегодня. За этой философией кроется все тот же элементарный обман, прозвучавший некогда из уст змея: «Не умрете!» (Быт. 3:4). Еще в Эдеме враг предложил эту мысль: «не думай о смерти, живи здесь и сейчас!». К сожалению, люди послушались его голоса тогда, как и продолжают слушать его сегодня. Вместо того чтобы ориентироваться на Божье «смертью умрешь!» (Быт. 2:17), миру так хочется поверить в сладкую ложь о бессмертии. Трудно сегодня отыскать союзников светского, но здравомыслящего мыслителя XVI века, Монтеня, утверждавшего, что «кто учит умирать, тот научит правильно жить!»^[5].

Украденное благополучие

◆ Грешник обязан скорбеть. Так положил Бог. «Скорбь и теснота всякой душе, делающей злое» (Рим. 2:9).

^[3] Франкл, В. Человек в поисках смысла.

^[4] Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти.

^[5] Монтень, М. Опыты. — С. 73.

Тяжкий труд, болезни, муки рождения детей — все это пришло в мир по воле Творца. Скорбь и теснота — великие слуги Божьей благодати, ведущие человечество к размышлению о горнем.

Но уже Каин, первый цивилизатор, противопоставивший природе искусственный мир города, возражает против этого божественного правила, как бы предвосхищая текст гордой песни Эжена Потье: «Мы наш, мы новый мир построим! Кто был ничем — тот станет всем!» История цивилизаций — не просто История выживания и приспособления людей к дикому миру тварной природы, его обуздание и окультуривание. Во всяком новом открытии и прогрессивном акте (будь то переход от сохи к плугу, или от серпа к комбайну) человек впадал в искушение отвергнуть Божью власть над собой: он приписывал себе все заслуги даже тогда, когда речь могла идти об исключительно Божьей милости. Как яркую иллюстрацию этому можно вспомнить эпизод из советского фильма Ивана Пырьева, 1949 г., «Кубанские казаки», речь главы района на митинге, посвященном окончанию уборки урожая: «Может это счастливая удача? А может нам помог Господь Бог? Нет, дорогие хлеборобы! Это чудо свершили вы! Сами! Своими руками! Мы смело можем поздравить друг друга с победой!» Научно-техническая революция и прогресс, так много обещавшие, и, действительно, много давшие человечеству, неуклонно вели к отрыву от первоначальной подчиненности Творцу. Выковывая мечи, занимаясь селекцией растений, выводя спутники на орбиту, человек стремился за-

щитить себя от опасностей, стать счастливее. Но всякое изобретение, всякое улучшение жизни, сколь бы полезным оно не было, приводило неизменно к состоянию мнимой независимости от Всевышнего. Перекладывание забот на стальные плечи машин, экономическое процветание грешников не сделало их счастливыми, поскольку счастье — «прильнуть к Богу», как заявлял некогда Августин Аврелий^[6].

Вопрос страданий напрямую соотносится со смертью. Поэтому преодоление страданий было непосредственно связано с преодолением смертности. До XIX века, медицина не была в состоянии всерьез спорить с умирающим, и смерть воспринималась как Божье право. К началу XX столетия наука обогатила медицину новыми открытиями, позволив тем самым активнее отнимать у смерти ее потенциальные жертвы. Смерть из категории мистического явления превратилась в объект научного изыскания, заняв целую область медицины — танатологию. Человечество всерьез поставило вопрос о бессмертии, как состоянии, обретенном в результате победы над старением. Продолжается поиск первооснов бытия, исправив несовершенство которых при помощи научного вмешательства, можно раздвинуть пределы жизни и упразднить страх смерти.

С тех пор, как гуманистические воззрения Эпохи возрождения поставили под сомнение необходимость поклонения Творцу, страдания все менее и менее рассматривались как Божье наказание. При всем прогрессе медицины, смерть осталась неизменной частью человеческого существования, основным источником страдания. Тотальность смертности, выразивша-

^[6] Августин Аврелий. Исповедь.

яся в чудовищных жертвах Мировых войн, охладила жюль-верновский восторг веры в прогресс у строителей Рая без Бога, наполнив души недоумением и страхом, сменившимися, затем, тоской и апатией. Безвкусице жизни, потеря цели, уход в отрицание смысла как явления, привели к гротескному образу сытого, но несчастного обывателя, рассуждающего в бувильском кабаке о том, что самоубийство — есть благо, так как оно прекращает одну из ненужных, бессмысленных жизней^[7].

Смысл страданий, предписанный Богом, не был распознан людьми. Не покаяние, а хулу на Всевышнего изрекал человек. Порой, воспевая страдание в песнях, выворачивая наизнанку обнаженное бытие, люди упорно изобретали способы решения проблем, не желая повернуться лицом к Тому, кто использует скорбь для проповеди Своей воли.

Поклонение выдуманному богу

◆ Плающий меч херувима, поставленного на караул возле Райских врат (Быт. 3:24), — символ той реальности, в которой человечество оказалось после отпадения от Бога. Меч означал разделение. Не осталось и следа от первоначального общения Адама и Творца, вместо которого появились страх и желание скрыться от Божьего лица (Быт. 3:10). Телесная нагота, внезапно проявившаяся после принятия запретного плода, подчеркивала незащищенность человека перед Божиим правосудием. Никогда уже более человек не чувствовал себя перед Богом свободно и легко.

^[7] Сартр, Ж.-П. Тошнота.

^[8] Августин Аврелий. Исповедь.

Изгнание из Рая, тем не менее, не положило конец всяким отношениям человека с Богом. Оно перевело их в другое русло, придало им новый стиль, форму, назначение. Теперь всякая попытка общения со стороны человека должна была протекать в свете осознания его греховности и в острой нужде стать свободным от вины. Бог превратился из Творца в Спасителя, с которым необходимо развивать отношения по Его правилам.

Человек должен был осознать себя спасаемым от самого себя, от собственной греховности. Жертвоприношения Богу, первое упоминание о которых мы находим в истории детей Адама, — вот что стало неотъемлемой частью богоискания. Следовало принять Бога таким, каков Он есть, соглашаться с Его ограничениями, поклоняться Ему так, как Он этого хотел. Изгнание из Рая было призвано показать, продемонстрировать Адаму его глубочайшую нужду в восстановлении отношений с Отцом. Кожаные опоясания, сделанные Творцом для прикрытия осознанной людьми наготы, — свидетельства того, что Творец не отвергает навсегда своего сына, а лишь хочет научить его жить по-другому.

И, все-таки, даже уйдя из Эдема, люди ничего не могли поделать с вечным зовом духа, напоминающем об Отце. Тоска по Богу, тоска по Раю, не могли быть избыты ни переменой места жительства, ни внутренними изменениями в личности человека. Дух человека в своем неосознанном стремлении, рвался к Богу. Августин восклицает, обращаясь к Всевышнему: «Ты создал нас для Себя, и мятется сердце наше, доколе не успокоится в Тебе!»^[8]. Эту тоску многие называют

тоской по счастью, совершенно не понимая того, что поиск счастья — есть ничто иное, как поиск утраченного богообщения. Бездонная пропасть человеческой души может быть наполнена только бесконечным Богом^[9]. Эта врожденная печаль копировалась в сердца сотен миллионов потомков Адама, как ощущение присутствия чего-то «иноного», запредельного, невидимого, но реально сущего, без Которого система бытия будет разомкнутой, будет зиять пустотой. Человек должен был возвратиться в Рай, обогатившись опытом поклонения Богу. Именно для того, чтобы предоставить людям этот опыт, Творец затворил для них двери Эдема.

Но, как это было и в отношении других ограничений, люди не воспользовались благодатью наказания. Вместо истинного поклонения Богу, человечество изобрело культы и верования, «утоляющие» религиозное чувство. Вместо построения отношений с Творцом, люди встали на путь идолослужения. Они сотворили себе богов согласно собственным представлениям о богах, сделав их, таким образом, «проекцией человеческого разума»^[10]. Тоску по Эдему люди преодолели ритуализмом идололатрии, а страх перед «запредельным» — магией, инструментом подчинения реальности своим желаниям^[11]. Суть этого идолопоклонства выразима в одной простой идее: в нежелании признать изгнание из Рая, принять волю Божию и жить в покорности Ему (Рим. 1:23). И даже у тех, кто находится в свете правильного представления о

Боге, постоянно присутствует искушение исказить Его образ, превратить его в лик псевдобога, который будет состоять на службе у человеческих похотей. По этой причине сегодня истина находится в тисках лже-религий и бездушной религиозности.

Право сильного, как первое из прав

◆ Каиновой печатью Бог заклеил насилие. Осудив и прокляв убийцу, Бог провозгласил Свое неотчуждаемое право — давать и отнимать жизнь. Действие Каина узурпировало это божественное право, наделяя человека мнимыми судейскими полномочиями. К сожалению, после духовной смерти Адама, способность к правильному суду была им утрачена. Ум Адама стал «превратным» (Рим. 1:28), склонным к принятию эгоистичных решений, что стало присущим всему человечеству. Мораль, свойственная человеку в его состоянии невинности от сотворения, умерла.

После изгнания из Рая наступило время трансцендентной морали, морали «спущенной Сверху», которую человек обязан был принимать. Свидетельством этому является предупредительный диалог между Богом и Каином накануне совершения преступления. Творец предупреждал о необходимости выбора ценностей, лежащих вне личных интересов Каина. Изгнание Каина словно свидетельствует о праведном Божьем суде, и о том, что человеку следует согласиться с ним. Всякое несогласие с мнением Бога приводит к катастрофе. Гнев Каина, как и гнев всякого человека, выходящий за пределы Божьей истины, «не творил правды Божией» (Иак. 1:20).

[9] Паскаль, Б. Мысли. — С. 148.

[10] Фейербах Л. Лекции о сущности религии — С. 168.

[11] См. Льюис, К. С. Человек отменяется. — С. 395 — 404.

Бегство Каина от лица Божьего — бегство из мира, сотворенного Всевышним, в урбанизированный мирок человека. Если Адам с Евой, повинувшись охватившему их чувству страха, прикрыли наготу импровизированным одеянием из листьев, убийца, заклеянный Творцом, торопится скрыться в стенах построенного им города, затворить за собой двери, ограничить себя теснотой комнаты, кельи, подвала. Он бежит от земли, выпившей кровь его брата, и проклявшей убийцу (Быт. 4:11). Город Енох, получивший название от имени каинова сына, стал неким отрицанием природы, противопоставлением ей. Диалогу Каина и Творца пришел конец. Несколько столетий спустя, Тувалкаин, потомок первого градостроителя, гордо вознес к небу бронзовый меч, словно закрепляя делом идею права сильнейшего.

Человечество отвернулось от благодати наказания, проявившейся в суровом приговоре проклятия за братоубийство. Вместо покаяния, Каин избрал бегство. И сегодня мы видим продолжение этого протеста в нескончаемых войнах и конфликтах. Люди преодолели, привыкли, притерпелись к роли заклеянных убийц. Организованные массовые убийства, с применением высокотехнологичного оружия, называются войнами (большинство из которых считается освободительными). Сильные мира сего решают сегодня, кто и какими правами должен обладать. Человек взвалил на свои плечи непосильную ношу — блюстителя человеческих прав. Не камень и палку использует он для достижения своей «правды», а плоды научно-технического прогресса, экономические отношения, вмешательство в судьбы наций,

порабощение и уничтожение целых народов. Голос крови, которую впитала земля, продолжает вопиять к Богу (Мф. 23:35).

Жить, не думая о конце

◆ Допотопное «Не вечно!» (Быт. 6:3), ограничивающее время жизни людей в пределах 120 лет, также не было принято грешниками. Человек отверг Божью волю о краткости дней, противопоставив ей удивительно-простое средство — не думать об этом (Мф. 24:39). Во времена Ноя люди жили так, будто не было ковчега, резко контрастировавшего с привычным для взгляда природным ландшафтом. Они не думали о работе старика, реализовавшего у них на глазах чудо инженерной мысли. Люди положили себе правило, обязательное для исполнения, — гасить и топтать всякий помысел, который бы напоминал им о приближающейся смерти.

И сказал Господь Бог: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками сими, потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет (Быт. 6:3).

Люди пренебрегли Богом. Они перестали воспринимать Его как Главу жизни, а Его волю — как руководство к жизни. Слово «пренебрежение» означает не что иное, как небрежность, недостаточное почитание, обесценивание, игнорирование и отвержение. Эти же мотивы мы находим в презрительном отношении Исава к обладанию первородным правом (Быт. 25:34), в небрежном отвержении советов умудренных жизнью стариков, убеждавших Ровоама повременить с налогами (3 Цар. 12:8), в бездумном отказе приглашенных на брачный пир, предпочетших

радости торжества работу в поле (Мф. 22:5). Очевидно, что пренебрегать Богом можно лишь «подавляя истину ложью» (Рим. 1:18), поскольку, правда громко заявляет о себе (Пр. 1:20). Истина, «разлитая в природе», очевидна и нескрывается; чтобы не видеть и не слышать ее нужно прилагать усилия!

От Потопа и до наших дней человечество активно «не думает» о кратковременности жизни. Активность «не думанья» направлена к тому, чтобы заглушить напоминания о неминуемости смерти и Божьего суда отчаянной кутерьмой жизни. Как и раньше, люди стремятся наполнить свой разум второстепенными вещами, не имеющими вечной ценности. Индустрия развлечения предлагает массу искушений, крадущих у человека последние возможности для размышления. Ритмы современной жизни, беспробудная занятость, обязательства быта, социальные статусы, богатство или нищета — все призвано к тому, чтобы увести людей от вопроса, заданного когда-то Иовом: «Когда умрет человек, то будет ли он снова жить?» (Иов 14:14). Снова и снова, человек убеждает себя, по словам Иосифа Бродского, что «смерть — это то, что бывает с другими»^[12].

Пренебрежение опытом Потопа

◆ Если спросить нашего современника «Что такое Потоп?», наверняка можно услышать два ответа (которые, по большому счету, можно объединить в один). Нам скажут, что Потоп — это природная катастрофа вселенского масштаба, это будет пер-

вый ответ. А второй ответ в том, что Потоп был наказанием Божиим за грехи людей. Объединяя эти заявления в одно, мы получим следующее: «Потоп — это глобальный катаклизм, вызванный Богом с целью уничтожения грешного человечества». Это скажут люди, не зависимо от их отношения к вере, глубине библейских познаний и степени причастности к Церкви. Кое-кто добавит к ответу, что это вымысел, сказка или миф. Однако это добавление не меняет положения: все знают о Всемирном потопе.

Потоп — символ тотального уничтожения. Факт этой катастрофы, если действительно серьезно думать о ней, свидетельствует о том, что мир не предоставлен сам себе, но управляется высшей силой. Потоп — это грозное свидетельство из прошлого, напоминающее о правосудии. Горы, немые свидетели свершившихся некогда катаклизмов, указывают ученому на грандиозность имевшей место катастрофы. Замерзшие тела мамонтов с непереваренной растительной пищей в желудках, найденные за полярным кругом, наталкивают на мысль о климатическом устройстве планеты, существенно отличавшемся от настоящего. Легенды о страшном наводнении, присутствующие в разных религиях народов мира, также заставляют задуматься об историчности Потопа.

Но, как и в других случаях Божьего наказания, люди пускают в ход всю свою изобретательность и изощренность ума, чтобы найти удобное объяснение всем свидетельствам истории, геологии и археологии. Миллионы лет формирования отводятся для появления геологических явлений, возникновение которых

^[12] Бродский, И. Памяти Т. Б.

гораздо проще объяснить фактами библейской истории. Наука, подчинившись ярму греховного бунта против Творца, готова оперировать немислимыми цифрами и сроками для того, чтобы отрицать очевидное: Его власть над небом и землей (Пс. 134:6).

Сегодня, как никогда ранее, мир потрясают природные катаклизмы. Причину этого можно увидеть в неразумном и хищническом обращении с природой. Писание говорит, что признаками завершения истории человечества будут «большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба» (Лук. 21:11). Оно называет их не иначе, как «знамениями» (Лук. 21:25). Но грешник более настроен «кусать от боли свой язык», чем признать над собой власть Всевышнего (Отк. 16:10). Он готов дать какое угодно истолкование любой беде, только бы не увидеть в ней небесную кару. Человек по-прежнему чутко ловит шепот врага: «Будете как боги!» (Быт. 3:5).

Курс на новый Вавилон

◆ Смешение языков было достаточно действенной мерой, разбившей монолитную глыбу грешного сообщества на множество мелких фрагментов племен и народов. Человечество, словно трюм океанского лайнера, было разделено системой стен-переборков, наглухо изолирующих каюты и кубрики государств, наций, этносов.

Безусловно, со смешением языков зло не исчезло с лица земли, но было локализовано в народах, иногда контактировавших друг с другом на войне или в торговых отношениях. Языковые преграды нарастили на себя культурные и расовые преграды. Племена

разбрелись по лицу земли, строить свои мини-башни, «высотой до небес» (Быт. 11:4).

Совершенно очевидно то, что люди понимали ограниченность, определенную языковыми пределами. Власти непременно желали покорить своей власти и другие народы, преодолеть положенные в Вавилоне барьеры. Иногда это отчасти удавалось, и тогда рождались империи, возглавляемые владыками, нередко претендующими на звание «божественных». Человечество понимало все преимущества единства, но способность достижения его не ведал никто.

В двадцатом столетии про «Башню» Брейгеля вспомнили вновь: она стала моделью-эскизом для открытого в 2000 году здания Европарламента. Будет ли оно новой Вавилонской башней? Вопрос этот вызывает жаркие споры. Так или иначе, в последнее столетие человечество, как никогда, ощутило нужду в преодолении границ национальных государств. Две Мировые войны бросили вызов человеку, обострив необходимость в перманентном диалоге в масштабах всего мира. Национальные государства сегодня уже не мыслятся идеальной политической моделью. Мир на крыльях научно-технического прогресса неудержимо летит к новой форме общежития — к глобальному политическому образованию, не ориентирующемуся более на языки, традиции, культуры. Модель Вавилона, обыгранная в 30-е годы в фильме «Метрополис» режиссером Фрицем Лангом, трансформировалась из бездушного муравейника, с почти механическими существами, в современный, сияющий небоскребами и зеленеющий вертикальными садами полис, насе-

ленный нестареющими, модными жителями, свободными от национальных, культурных и религиозных ограничений. Еще в конце тридцатых годов прошлого века Герберт Уэллс выразил мечту, которая сегодня доминирует над всеми другими желаниями:

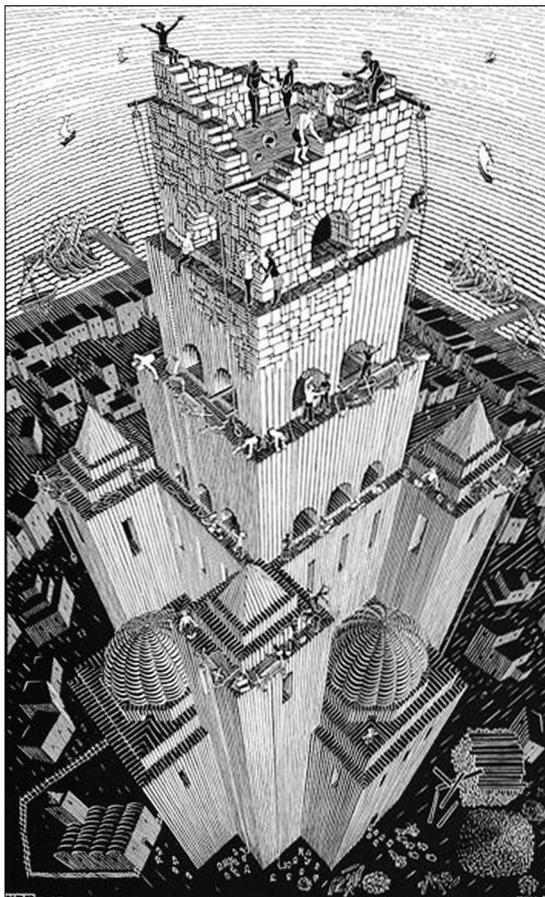
«Если бы род человеческий действительно отказался от утомительных, пусть даже и обнадеживающих пререканий и сделок, и сумел обеспечить всеобщий мир в разоружившемся мире, постепенно уничтожил бы расовые и национальные распри и недоверие, обрел растущую уверенность в прочном мире и господстве доброй воли на всей нашей планете и уверовал бы в разумную систему контроля над общими интересами всего человечества!»^[13].

Но, какие бы мечты не будоражили сознание политиков и романтиков, жестокая реальность остается неизменной: Царство Божье невозможно без Бога. Библия свидетельствует, что есть лишь одно средство восстановления «разделенных языков» — чудо Пятидесятницы, в котором Дух Божий устраняет преграды между людьми, ибо в Боге нет больше «ни иудея, ни эллина, но все во всем Христос!» (Кол. 3:11).

Божий ответ на отвержение благодати наказания

◆ Описание тысячелетней Истории, представленное в Библии, еще и еще раз убеждает нас в том, что Бог никогда не идет на поводу обстоятельств. Его присутствие в Истории

^[13] Уэллс, Г. Что означает для человечества прочный мир.

Вавилонская башня.
(Художник Мориц Корнелис Эшер, 1928 г.)

человечества — это не участие актера в пьесе (даже в качестве исполнителя главной роли). Его присутствие в исторической драме — деятельность режиссера, заранее знающего весь ход спектакля, позволяющего артистам импровизировать в рамках заданного сюжета. Он — властитель человеческих душ, дающий людям возможность выбирать и отвергать. Он, уважая свободу творения, предлагает «жизнь вместо смерти» (Втор. 30:19). В свете этого, представление об Истории человечества, как о череде Божьих предложений и человеческих отказов, не вполне отражает действительные отношения Творца и творения. История — не серия безуспешных Божьих

попыток, «вытащить» человечество из болота греха. История — целенаправленная деятельность Творца, устремленная к восстановлению утраченной в грехопадении гармонии.

Ограничения, введенные Богом после падения человека — смерть, скорбь, отчуждение, Потоп, рассеяние — всё это инструменты Божьего воздействия на людей, используемые Им для наказания с целью исправления.

племен, ради которого Он, нередко, останавливал ход физических законов природы, совершая чудеса. Ему были подвластны времена и пределы (Деян. 17:26): Он использовал и мгновения, остановив нож Авраама, занесенный над Исааком (Быт. 22:11), и столетия, формируя в продолжение четырехсот лет в чреве Египта народ Израиля, носителя божественной истины и светоч Божьей воли в языческой тьме.

Ограничения, введенные Богом после падения человека, — смерть, скорбь, отчуждение, Потоп, рассеяние — всё это инструменты Божьего воздействия на людей, используемые Им для наказания с целью исправления.

К сожалению, люди неверно отнеслись к Божиим санкциям: не поняли их предназначение, не пожелали смириться и исправиться. Они изобрели способ жизни «в обход наказания». Этот способ жизни закрепился в Истории, исполненной бунта против Всевышнего. Люди постоянно пытались подчинить Божье долготерпение своим желаниям. Но, несмотря на это, Господь не отступил от Своего плана. Ниточка Его воли, порой готовая прерваться, соединила Первого Адама, введшего человечество в грех, с Последним Адамом, выведшим людей из рабства греха, и открывшим путь в утраченный Эдем.

Бог всегда достигал Своих целей в Истории. Даже тогда, когда круговерть событий, казалось, смешивала все карты, Он неизменно проводил Свою линию в нужном направлении. Творец работал как с целыми народами, так и с отдельными личностями, десятилетиями ожидая от них перемены сердец. Завет с патриархами навек связал Его с одним из семитских

Он являл Свою неукротимую власть и ревность, сокрушая язычников муками казней. Его долготерпение явилось через Моисеев Закон, который должен был стать некоей опалубкой для жидкого бетона человеческой воли и зафиксировать правильное положение человека перед Творцом. Он, господин времени и пространства, шел рука об руку с Израилем, вникая в судьбы, ожидая движения совести, ободряя кающихся и низвергая гордецов. Мы наблюдаем Его присутствие в многострадальной истории Его народа: Он был рядом с ним в непрекращающихся искушениях идолослужения, бичуя зло язвущим языком пророков. И даже тогда, когда, как казалось, не оставалось праведных, Он опирался на отдельные «островки» верных Ему людей, готовых гореть за Него в огне (Дан. 3:21), быть съеденными голодными львами (Дан. 6:16), перепиленными и побитыми камнями (Евр. 1:36). Он был во мраке межзаветного периода, когда умолкли голоса пророков. Это был все

тот же Бог, который со скорбью возглаго-
шал в Эдеме: «Адам! Где ты?» (Быт. 3:9).

В рождении Мессии, названном сыне
ремесленника Иосифа, было положено
начало финального акта Божьего
ответа на человеческое пренебреже-
ние благодатью наказания. Бог Сам
стал человеком, добровольно понеся
всю тяжесть наказания наравне с
грешниками. Бог решил Сам пере-
жить то, что положено было человеку.
Он принял все тяготы страданий,
утрату Рая, стал жертвой насилия,
испытал краткость дней. Он, как и
Ной, перенес посмеяние от людей. Он
столкнулся с противостоянием Вави-
лона — царства мира сего во главе с
его князем. Он умер. Бог Сам стал
объектом Собственного наказания,
призванного смирить грешников.
Христос явился для того, чтобы, как
Он заявил Иоанну Крестителю, «ис-
полнить всякую правду» (Мф. 3:15).
Правда эта признавала справедли-
вость Божьего гнева и нужду в покая-
нии, которое и выражало Иоанново
крещение. Но правда была также в
том, что Сын Божий, не имевший
необходимости каяться, добровольно
склонился у ног Крестителя, отожде-
ствляя Себя со всем человечеством.
Он смирился перед волей Отца, от-
крыв тем самым истинные мотивы
Его отношений с людьми. Он не толь-
ко показал пример человечеству, но
Сам стал жертвой за греховность
людей. Он дал возможность всем,
поверившим Ему, воспользоваться
Его заслугами перед вечным законом
справедливости; сделал грешникам
возможным «найтись в Нем» (Фил.
3:9), отождествившись со смертью и
воскресением Его для получения
вечной жизни.

^[14] Афанасий Великий. Творения. Т. 3. — М.,
1994. — С. 346.

Смертью смерть поправ

◆ Воплощение Сына Божьего
означало для Него вхождение в круг
тех наказаний, которые были адресо-
ваны падшим людям. Его человече-
ность неизменно означала
смертность. В тот самый миг, когда в
Вифлеемской пещере раздался плач
Новорожденного, мир пополнился
еще одним смертным существом,
вступившим на путь тления. Христос
шел к смерти, как к несомненной
цели Своей жизни. Полнотой Его
человечности, окончательным фак-
том, рассеивающим все сомнения
докетов, была Его не отрицаемая
смертность. «Да умолкнут все говоря-
щие, что человеческая природа Хрис-
та по естеству была бессмертна!»^[14].

Но почему же Христос ступил на этот
путь? Почему Он принял на Себя эту
обязанность, причитающуюся греш-
никам? Ведь Бог послал смерть для
того, чтобы напоминать о вечности,
приводить заблудших к размышлению
о Себе? Ведь смерть — одна из иллю-
страций, положенная Творцом для
«рассматривания» (Рим. 1:20), свиде-
тельствующая своей противоесте-
ственностью о другой реальности: о
вечной жизни. Христос, посланник
Небес, не нуждался в таком напоми-
нании, Сам будучи Творцом всего
сущего. Другое великое предназна-
чение смерти — наказание за грех, также
не было необходимо Ему: ведь Он был
безгрешен! Так для чего же Христос
сделался смертным, приняв образ
человека?

Вспомним, что великое предназна-
чение смерти было в том, чтобы пре-
рвать нить греха, которым была
пронизана человеческая сущность.
Для уничтожения греховности есть
лишь одна возможность — умереть.

Закон, гласящий «За грех — смерть!» (Рим. 6:23), говорит не только о возмездии, но и о способе упразднения зла из Вселенной. Разделение тела с душой и души с Богом — вот что мы называем смертью! Смерть — метафизическая возможность перехода из видимого мира — в мир невидимый, из временного — в вечное, из тленного — в нетление. Для падшего человечества смерть осталась единственной возможностью разлучиться с греховой природой. Таким образом, мы видим логическую цепь, выстраивающую судьбу наследников Адама: человеческая сущность — греховность — наказание — смерть.

Воплощение Христово, сделавшее Его смертным, привнесло сбой в обозначенную логику. Он, наследник Адама по плоти, унаследовал смерть; но будучи Сыном Божиим, свободным от греха, не имел причины для умирания за греховность. В смерти Христовой образовалась прореха, пустота, лакуна в том самом месте, где должна присутствовать вина и наказание. Пустота эта в смерти обычного человека заполнена греховностью, как неоспоримой причиной его умирания. В эту-то пустоту Христос и принял грехи всего человечества: Он, безгрешный, умер за грехи всех людей, подарив каждому верующему в Него право пользования Его искупительной жертвой, замещающей грех человека. Кающийся грешник, «перекладывая» свои грехи в «пустоту» святости Христовой, становится свободен от наказания. Для него смерть остается лишь средством разлучения с греховой человеческой природой. Смерть для такового — лишь предисловие к последующему

славному акту: воскресению для вечности!

Божье наказание смертью, адресованное Адаму, имело далеко идущие цели. Творец использовал смерть для уничтожения греха, и (довольно странно звучит!) для уничтожения ее же самой — смерти. Смерть Христа, как некое отрицание отрицания, как диалектический трюк, наложение двух минусов, дала в итоге плюс. Смерть смерти породила жизнь!

Муж скорбей, издевавший болезни

◆ Так же как и смертность, Христос принял на Себя вместе природой человека и страдания. Проклятие земли, объявленное некогда Адаму, тяготело и над Ним. «Ветхозаветный евангелист» Исаия, назвавший Иисуса «мужем скорбей» (Ис. 53:3), говорит о Нем, как о ничтожном росточке, пробившемся сквозь толщу человеческих страданий. Он не имел божественных признаков. Его презирали. Его прогоняли, называя сумасшедшим.

Христос вошел в самую сердцевину человеческих страданий. Гимн первых христиан, записанный в Послании к филиппийцам, открывает глубину Его смирения:

Он, по природе Бог, не держался за равенство с Богом,

Но добровольно лишился всего, приняв природу раба и человеком родившись.

Он был во всем человеку подобен, Но еще больше Себя умалил и так был послушен,

Что принял и смерть саму — смерть на кресте^[15].

[15] Радостная Весть. Послание к филиппийцам 2:6-8.

[16] Там же, Послание к евреям 5:8-9.

Как герой книги Марка Твена «Принц и нищий», Христос снял с себя одежды божественной власти, и облачился в рубища нищего. По словам евангелиста, Христос, возлюбив Своих, «возлюбил их до конца», доказывая это крайней степенью смирения — умыванием ног (Ин. 13:1). Он испытал на Себе всю тяжесть тройственного искушения этого мира: похотью плоти, похотью очей и житейской гордостью (1 Ин. 2:16). В пустыне дьявол искушал Его через голод, власть и славу (Мф. 4:1-10), знатоки Закона Моисеева не раз пытались поймать Его на слове (Ин. 8:3; Мф. 22:20), а близкие друзья-ученики готовы были разбежаться при первой опасности.

Для чего же Христу было это нужно — испытывать страдания? К чему была эта крайняя степень отождествления с человечеством? Ведь страдания были наказанием для грешников, а Он был свободен от греха? Автор Послания к евреям дает ответ: Он «через страдания научился послушанию и, став совершенным, сделался для всех, кто Ему послушен, причиной их вечного спасения»^{116]}. Христос показал людям то, как правильно относиться к благодати скорбей, возложенных некогда на Адама. Его жизнь была прославлением Отца, противопоставленная бунту человечества, проклинаящего Бога за скорбь.

Возвращенный Эдем

◆ Смертность и скорбь, принятые Христом, сделали возможным ответ еще на одно наказание: изгнание из Рая. Херувим с пылающим мечем, поставленный некогда у входа в Эдем, символизировал разорванные отношения человека с Богом. Прямой путь

в Рай людям был заказан: человек должен был возвратиться туда, лишь обогатившись опытом покаяния. Именно для того, чтобы предоставить людям этот опыт, Творец затворил для них двери Эдема.

*Христос показал людям
как правильно относиться
к благодати скорбей,
возложенных некогда на
Адама. Его жизнь была
прославлением Отца,
противопоставленная бунту
человечества, проклиная-
щего Бога за скорбь.*

Но люди не желали смиряться и каяться. История религий — не что иное, как история попыток проникнуть в райские кущи «в обход» грозного стража. Языческие системы поклонения божествам, чудовищные жертвоприношения, равно как и утрата Израилем истинного богопочитания и скатывание в ритуализм и формальность богослужения, — все это попытки проникнуть «инде» туда, где Бог ожидал встречи с человеком.

Утерянный Эдем был вновь открыт людям через Голгофу. Разорванная завеса в Храме — символ этого открытия. Завеса, с вытканными на ней херувимами и изображениями райских деревьев, скрывающая Святое Святых (место присутствия Бога), напоминала об утраченном Рае. Завеса предостерегала человека: «Не входи! Для тебя недоступно!» Лишь один раз в год, в Судный день, первосвященник, неся сосуд с жертвенной кровью, с трепетом проникал за нее, чтобы засвидетельствовать перед

Богом людское смирение и покаяние. Эта завеса разодралась в момент смерти Христа, будто провозглашая новое открытие Рая. Три евангелиста говорят об этом (Мф. 27:51; Мк. 15:38; Лк. 23:45).

Христос показал людям Отца. Показал Его таким, каков Он есть на самом деле: желающего встречи с блудным сыном. Христос показал Отца, готового побежать навстречу сыну, видя его возвращение. Отца, который ждал, когда в душе сына наступит момент просветления (Лук. 15:18), когда он действительно поймет каков его Отец. Когда он, наконец, увидит пред собой не пиршественный стол, а свиное корыто, не обольстительных красавиц, а отвратительных ведьм, не яства, а рожки, не верных друзей, а корыстных попутчиков, готовых поживиться его добром. Христос указал путь домой, в Эдем, где Творец никогда и не переставал ждать свое творение. Блудный сын на картине Иеронима Босха бросает последний взгляд на убогую таверну, которую он считал для себя раем. Он с изумлением смотрит на то, что считал когда-то шикарным и великолепным, за что платил деньги, ради чего предал своего Отца.

Второй Авель

◆ Проклятие Каина было ответом на смерть Авеля. Проклятие убийц, поправших чужую жизнь – вот чем отмечена окаянная человеческая природа. Уничтожение ближнего, попрание его прав, жизнь в угоду себе – это законы жизни, почитаемые человеком вместо заповедей Божьих. Как и Каин, человечество «ударилось в бега». Оно надеялось скрыться от Бога, утверждаясь в собственной независимости.

Христос, придя в этот мир, Сам испытал влияние окаянного человечества. Он, проповедовавший любовь, Сам сделался жертвой насилия. Его права были попорчены, Его жизнь была обесценена и принесена в жертву человеческим страхам и гордости. Так же как и Авель, Христос умер от рук завистников и недоброжелателей. Каин, «воскресший» в лице иудейских вождей и безразличных язычников, убил Христа.

Кровь Авеля вопияла от земли, требуя мщения. Кровь Христова также вопиет, и также чего-то требует. Автор Послания к евреям заявляет, что кровь Иисуса говорит «лучше, чем Авелева» (Евр. 12:24). Это «лучшее» в том, что она просит о помиловании! Жертва, которой стал Христос, просит о помиловании у Небесного Отца (Лук. 23:34). И только благодаря этой просьбе, Отец являет Свою милость. Христос – «второй Авель», вставший на пути Каина-человечества с обличением, словно указывает с креста направление, противоположное пути «от лица Божьего» (Быт. 4:16).

Краткие дни Творца времени

◆ Когда воплощение Христово вовлекло Его в ритмы человеческой жизни, Бог, совлекши с Себя одеяния вечности, облекся в одежду временно. Он вошел в мир материальных границ, расстояний и пыльных дорог. Ему стали известны долгие пешие переходы. Он испытал краткость светового дня. Ему стали известны чувства огорчения от недоделанных дел, и изнеможение от переполненного событиями дня. Он познакомился с устойчивой мыслью о том, что невозможно всего охватить, и что-то, к сожалению, так и останется не сде-

ланным. Одним словом, Он стал человеком в полном смысле этого слова.

Когда-то Творец наказал людей краткостью жизни. Это произошло в ответ на пренебрежение Духом Его (Быт. 6:3). Краткие дни жизни должны были привести к размышлению об утраченном Рае. Но люди наполнили их суетой (Еккл. 7:29), не приняв Божьей вести, сообщаемой им через приближение финала. Христос также знал, о приближающемся конце жизни. Он знал это не как общий абстрактный факт, что когда-то будет конец Его жизни. Христос знал точное время, когда Он умрет (Мф. 20:18), знал место, где это совершится (Мк. 10:33), знал способ, которым у Него будет отнята жизнь (Лк. 18:31-33). Иисус, будучи человеком, испытывал ужас перед концом. Его молитвенный вопль в Гефсимании полон трагизма: Он вопрошает Отца о возможности ли что-нибудь изменить и не погружаться во мрак смерти (Мф. 26:39). Молитвенный стон, пот, смешанный с кровью, всеобщая оставленность, — не это ли состояние описывает автор Послания к евреям, говоря о «сильном вопле и слезах» (Евр. 5:7)? Христос пережил краткость дней, как никто другой, понес на Себе всю тяжесть наказания, ниспосланного Творцом тварной человеческой природе.

Строитель «Нового ковчега»

◆ Проповедь Ноя, возвещавшего скорую гибель человечества, не была принята людьми его времени. Потоп унес грешную цивилизацию в гибель. Люди пренебрегли опытом Потопа, пустившись в новое противостояние Творцу. Тогда Отец послал

«нового Ноя» — Сына Своего, чья проповедь в общемировом масштабе приглашала людей к спасению от грядущей катастрофы.

Как и Ной, Христос проповедовал о суде, грядущем за грехи человечества. И, также как ветхозаветный праведник, Христос строил новый Ковчег — Церковь, способную вместить всех, желающих спастись в океане Божьего гнева. Как и Ной, Христос был пренебрегаем: Его слова не слушали, над Ним насмехались. Многих Его слова оставили равнодушными. Особенно это стало очевидно на Голгофе, когда народ «стоял и смотрел» на Него, висящего на кресте (Лук. 23:35). Возможно, так же толпы зевак взирали на строящийся ковчег. В ответ на пренебрежение опытом Потопа, Господь вновь дал шанс греховному человечеству. Дверь в новый Ковчег — Сам Сын Божий, примиряющий грешников с Творцом.

Собирание рассеянного человечества

◆ Вавилонская башня, как символ восстания против Бога, как «Царство небесное», исключаяющее главенство Творца, была бессильна противостоять Царству Небесному во главе с Христом. История Церкви — это история вражды двух царств: Царства Божьего и Царства мира¹⁷¹. Царство Божье — первоначально ничтожно малое горчичное зерно, противопоставлено скале безбожного мира. Но их историческая предопределенность раскрывается в Библии: Царство Божье превращается в мощное дерево, в ветвях которого находят себе место птицы (Мф. 13:31-32), а участь Вавилона — участь канувшей в пучине бесформенной глыбы, хоть и громад-

¹⁷¹ Августин. О Граде Божьем.

ной, но мертвой, идущей на дно (Отк. 18:21).

Попытки преодолеть барьеры языков и культур предпринимались всегда. Но они были безуспешны, поскольку все примеры объединения были основаны на насилии. Ничто не могло действительно объединить людей, ибо причина разделения — не языки, культуры и религии, а эгоизм и желание подчинить ближних своей воле. Преодоление национальных и культурных различий произошло в день Пятидесятницы, когда Дух Божий излился на верующих во Христа. Это событие положило начало мощному движению, именуемому Церковью. Объединение людей в Церковь — есть новое братство людей, достигшее во Христе наивысшей точки единства — превращения в «одно тело» (Еф. 3:6). То, что было когда-то разделено Самим Богом, Им же Самим было вновь объединено. Во Христе вновь, как и до грехопадения, «нет ни иудея, ни эллина» (Кол. 3:11). В Нем произошло соби́рание рассеянного человечества, восстановление изначального замысла о единстве людей.

Заключение

◆ Любящий Отец, позволивший младшему сыну уйти во мрак ночи, никогда не переставал его любить и ждать. Всей душой Он хотел бы остаться его рядом с Собой, но тогда бы пришлось надломить волю бунтаря, лишив его тем самым, возможности измениться. Отец позволил сыну погрузиться на дно греха, чтобы вызвать у него отвращение к бунту. Свиное корыто — нижняя точка падения молодого человека, стало для него точкой откровения и осознания простой истины: «Я умираю! Встану,

пойду к Отцу!» (Лк. 15:18). Безусловно, притча, рассказанная Христом в слух впечатлительных иудеев, отражает лишь часть Всемирной истории. В ней мы не находим, к примеру, демонстрации власти Отца, не просто покорно отпускающего бунтаря из дому, но при этом лишаящего его части привилегий. Евангельский Отец — это Бог в Его новозаветном облике: кроткий, ожидающий, готовый терпеть. Новозаветный Отец — это Христос, истерзанный римскими бичами и вознесенный на крест для медленного умирания. Он — откровение Бога, адаптированное для грешника, Творец, вобравший в себя всю милость, прощение и ожидание.

Вместе с этим, Писание говорит, что несмотря на бунт человечества, Творец все равно достиг Своих целей: в результате Божьих наказаний, появился новый народ. Эти потомки нового Адама (1 Кор. 15:47), принявшие благодать наказания, смирившие врожденную страсть к бунту, будут готовы к тому, чтобы навечно занять место ветхого Адама, в новом, уже небесном Эдеме. Терзаниям Отцовского сердца наступит конец. Апостол Иоанн, узревший на Патмосе всю картину разверзшегося пред ним будущего, восклицает в восторге: «Ей, гряди, Господи!» (Отк. 22:20).

Библейская история, описывая полный круг, возвращает читателя вновь к утраченной первоизданной гармонии, непреходящего характера. Последние главы Откровения Иоанна будто в зеркале отражают первые три главы Бытия. «Се, творю все новое!» — вновь возглашает Сидящий на престоле (Отк. 21:5), будто бы отодвигая тяжелый занавес с нового качества бытия. Бытия, где «ничего не будет

больше проклятого» (Отк. 22:3), где тяжелый морок тысячелетий Истории исчезнет, как стертые со школьной доски записи. Как и прежде мы увидим в центре Рая Древо жизни, плоды которого можно вкушать беспрепятственно (Отк. 22:2). Дьявол, вкравшийся когда-то в мирок Эдема, будет уведен, как пес, на задний двор (Отк. 20:2) и никогда более не причинит беспокойства детям и их гостям. Закрытый, некогда, Рай вновь будет

открыт для человека: грозный страж с пламенным мечем навсегда покинет свой пост. Всякая слеза будет отерта с очей вернувшихся домой. Уйдет и забудется агрессия и плотоядность: лев и ягненок будут вместе есть траву (Ис. 65:25), а ребенок будет играть над норой асида (Ис. 11:8). Дети, возвратившиеся в родной дом, всегда смогут видеть лик Отца (Отк. 22:3). Времена блуждания и наказаний закончатся. Останется одна благодать.

Библиография

- Августин Аврелий. Исповедь // Азбука веры: Православная библиотека. — URL: http://azbyka.ru/otchnik/Avrelij_Avgustin/ispoved (дата обращения 19.04.2016).
- Августин Аврелий. О Граде Божиим // Азбука веры: Православная библиотека. — URL: http://azbyka.ru/otchnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem (дата обращения 21.10.2016).
- Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. — 197 с.
- Афанасий Великий. Творения. М., 1994. Т. 3.
- Бродский, И. Памяти Т.Б. // Иосиф Бродский. — URL: <http://brodsky.ouc.ru/pamyati-t-b.html> (дата обращения 19.04. 2016).
- Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы. // Интернет библиотека Алексея Комарова. — URL: <http://ilibrary.ru/text/1199/index.html> (дата обращения 19.04.2016).
- Льюис, К.С. За пределы безмолвной планеты. Переландра. Человек отменяется // Собр. соч. в 8 томах. Т. 3. / Пер. с англ. — М.: Фонд имени о. Александра Меня, СПб.: «Библия для всех», 1999. — 416 с.
- Монтень, М. Опыты. М.: «Правда», 1991. — 656 с.
- Паскаль, Блез. Мысли / Пер. с фр. Ю. А. Гинзбург. — М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. — 480 с.
- Радостная Весть. Новый завет в переводе с древнегреческого. Издание третье, исправленное и дополненное. М.: РБО, 2007. — 603 с.
- Сартр Ж.-П. Тошнота: Роман / Пер. с фр. Ю. Яхниной. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 256 с.
- Толстой, Л.Н. О жизни / Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 26. М.: Л., 1936.
- Уэллс, Г. Что означает для человечества прочный мир. // Libros. — URL: <http://www.libros.am/book/read/id/77706/slug/chto-oznachaet-dlya-chelovechestva-prochnyj-mir> (дата обращения 19.04. 2016).
- Фейербах Л. Лекции о сущности религии // Сочинения: В 3 т. / Пер. с нем. М., 1923-1926. Т. 3. С. 168.
- Франкл, В. Человек в поисках смысла. Сборник / Пер. с англ. И нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйдмана. М.: «Прогресс», 1990. — 368 с.

